

Wiener Slavistisches Jahrbuch (Neue Folge)
Vienna Slavic Yearbook (New Series)

Vienna Slavic Yearbook

New Series

Edited by
Stefan Michael Newerkla (Vienna) &
Fedor B. Poljakov (Vienna)

6 · 2018

Harrassowitz Verlag · Wiesbaden

Wiener Slavistisches Jahrbuch

Neue Folge

Herausgegeben von
Stefan Michael Newerkla (Wien) &
Fedor B. Poljakov (Wien)

6 · 2018

Harrassowitz Verlag · Wiesbaden

Herausbergremium / Editorial Board

Stefan Michael Newerkla (Wien), Fedor B. Poljakov (Wien)
Juliane Besters-Dilger (Freiburg i. Br.), Michael Düring (Kiel), Lazar Fleishman (Stanford CA),
Jasmina Grković-Major (Novi Sad), Robert Hodel (Hamburg), Anna Kretschmer (Wien),
Heinz Miklas (Wien), Aleksandr M. Moldovan (Moskau), Ulrich Schmid (St. Gallen),
Barbara Sonnenhauser (Zürich), Michael Wachtel (Princeton NJ), Alois Woldan (Wien)

Beratungsgremium / Advisory Board

Anatolij A. Alekseev (St. Petersburg), Konstantin M. Azadovskij (St. Petersburg), Leonard H. Babby
(Princeton NJ), Neil H. Bermel (Sheffield), Jan Ivar Bjørnflaten (Oslo), Nikolaj A. Bogomolov (Moskau),
Jonathan Bolton (Cambridge MA), František Čermák (Prag), Dagmar S. Divjak (Sheffield), Hana Filip
(Düsseldorf), Stanisław Gajda (Opole), Christian Hannick (Würzburg), Urs Heftrich (Heidelberg),
Hubertus F. Jahn (Cambridge), Radoslav Katičić (Wien), Anna Sergeeva-Klyatis (Moskau), Gun-Brit
Kohler (Oldenburg), Alexander Kulik (Jerusalem), Marek Łaziński (Warschau), Aleksandr V. Lavrov
(St. Petersburg), Gail Lenhoff (Los Angeles CA), Aleksandar Loma (Belgrad), John E. Malmstad
(Cambridge MA), Roland Marti (Saarbrücken), Marek Nekula (Regensburg), Gerhard Neweklowsky
(Wien/Klagenfurt), Aleksandr L. Ospovat (Moskau), Kathleen Parthé (Rochester NY), Angela Richter
(Halle a. d. Saale), Galin Tihanov (London), Svetlana M. Tolstaja (Moskau), Vera Tolz-Zilitinkevic
(Manchester), Vittorio S. Tomelleri (Macerata), Tomas Venclova (New Haven CT), Josef Vintr (Wien),
Ronald Vroon (Los Angeles CA), Andrew B. Wachtel (Bishkek/Almaty), Andrei L. Zorin (Oxford)

Redaktionelle Mitarbeit / Editorial Assistance

Mariam Appel (Wien), Irina Kisielowa (Wien), Andrei Ustinov (San Francisco),
Daria Wilke (Wien)

Sämtliche Korrespondenz mit der Redaktion und Einsendungen erbeten an /
Please send enquiries and contributions to the Editorial Board to the following address:
jahrbuch.slawistik@univie.ac.at

<http://slawistik.univie.ac.at/wiener-slavistisches-jahrbuch>

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek:
Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen
Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet
über <http://dnb.dnb.de> abrufbar.

Bibliographic information published by the Deutsche Nationalbibliothek:
The Deutsche Nationalbibliothek lists this publication in the Deutsche
Nationalbibliografie; detailed bibliographic data are available on the internet
at <http://dnb.dnb.de>.

Informationen zum Verlagsprogramm finden Sie unter
<http://www.harrassowitz-verlag.de>

© Otto Harrassowitz GmbH & Co. KG, Wiesbaden 2018

Das Werk einschließlich aller seiner Teile ist urheberrechtlich geschützt.

Jede Verwertung außerhalb der engen Grenzen des Urheberrechtsgesetzes ist ohne
Zustimmung des Verlages unzulässig und strafbar. Das gilt insbesondere für Vervielfältigungen jeder Art, Übersetzungen, Mikroverfilmungen und für die Einspeicherung
in elektronische Systeme.

Gedruckt auf alterungsbeständigem Papier

Umschlag: Tatjana Beimler (Flomborn), Satz: Daria Wilke (Wien)

Druck und Verarbeitung: Memminger MedienCentrum AG

Printed in Germany

ISSN 0084-0041

ISBN 978-3-447-11091-4

INHALT / CONTENTS

Artikel / Articles

GERHARD NEWEKLOWSKY (WIEN / KLAGENFURT) Zur Sprache der ältesten Bücher der Burgenländischen Kroaten (<i>Duševne pesne</i> 1609 und 1611)	1
ЕЛЕНА ОБАТНИНА (С.-ПЕТЕРБУРГ) Земная судьба небожителей в жизни и творчестве Алексея Ремизова	16
АННА СЕРГЕЕВА-КЛЯТИС (МОСКВА) Музыкальный подтекст стихотворения Пастернака «Импровизация»	26
PAOLO MANCOSU (BERKELEY CA) “Moscow has ears everywhere!”: From Pasternak’s Death to Olga’s and Irina’s Arrests	35
ZAKHAR ISHOV (TÜBINGEN) The Battlefield of Translation: Joseph Brodsky and Daniel Weissbort	122

Materialien und Editionen / Materials and Editions

HEINRICH RIGGENBACH (BASEL) Aleksiej Remizov im Briefwechsel mit der Übersetzerin Fega Frisch	143
ИГОРЬ ПИЛЬЩИКОВ (МОСКВА / ТАЛЛИНН / ЛОС-АНДЖЕЛЕС) – АНДРЕЙ УСТИНОВ (САН-ФРАНЦИСКО) Виктор Шкловский в ОПОЯЗе и Московском Лингвистическом Кружке (1919–1921 гг.)	176
РОМАН ТИМЕНЧИК (ИЕРУСАЛИМ) Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой	207
ФЕДОР ПОЛЯКОВ (ВЕНА) Автобиографические письма Николая Зарецкого	236

Rezenionen / Book Reviews

IRENA GRUDZIŃSKA-GROSS (PRINCETON NJ) Piotr Mitzner's New Publications on Russian-Polish Literary Relations	266
АУРИКА МЕЙМРЕ (ТАЛЛИНН) Заметки по поводу «Хроники русской культурной и общественной жизни в Эстонии (1918–1940)»	268

Chronik / Chronicle

СВЕТЛАНА ТОЛСТАЯ (МОСКВА) Памяти Вячеслава Всеволодовича Иванова (1929–2017)	275
ВЛАДИМИР ПЕТРУХИН (МОСКВА) Вяч. Вс. Иванов и «Мифы народов мира». Из воспоминаний редактора	278
КОНСТАНТИН БОГАТЫРЕВ (SAN DIEGO CA) Андрей Анатольевич Зализняк (29. IV. 1935 – 24. XII. 2017)	282
ВОНУМІЛ ВУКУРЁЛ (BRNO) Radoslav Večerka (18. IV. 1928 – 15. XII. 2017)	286
ГАЛИНА ПОНОМАРЕВА (ТАЛЛИНН) З. Г. Минц и изучение литературы русской эмиграции в Тарту	288
ТАТЬЯНА ШОР (ТАРТУ) Материалы к научной биографии Зары Григорьевны Минц	298

Земная судьба небожителей в жизни и творчестве Алексея Ремизова*

Елена Обатнина (С.-Петербург)

Abstract: The present article “The Earthly Destiny of the Celestials in the Life and Work of Alexei Remizov” examines Alexei Remizov’s strategy in creating a biographical myth based on his and his wife’s lives. By studying his correspondence mostly dating back to 1912, it reconstructs several existential motifs in Remizov’s personal mythology, such as the earthly nature of Remizov himself, the celestial nature of Serafima Pavlovna and her earthly fate given to her as a punishment, thus providing an enhanced understanding of the typology of conflicts in Remizov’s writings and his own biography.

Keywords: Alexei Remizov, Serafima Remizova-Dovgello, Viacheslav Ivanov, Zinaida Hippis, “Church of the Third Testament”, Orphic tradition, reception of Orphic teachings in Russian culture

Творческая биография Алексея Ремизова подразумевает выявление и интерпретацию массива разнообразных материалов. Поскольку ремизовское творчество автобиографично *par excellence*, одним из источников для реконструкции внутренне непротиворечивой биографии писателя могут послужить его художественные тексты (в том числе и произведения с вымышленными сюжетами и литературными образами). Фактическая информативность такого рода источников весьма спорна, поскольку она касается сферы личностного самосознания, граничащей с психологией, и требует поддержки дополнительными аргументами, которые чаще всего не имеют документальных подтверждений. Между тем, мир художественных образов позволяет расширить границы доступного понимания биографического контекста, допуская нас в область экзистенциальных проблем и переживаний автора.

Для неискаженного понимания историко-литературного контекста существенное значение получает также мемуарная, в том числе и «документальная» проза Ремизова, где в качестве субъекта повествования выступает самоидентифицируемое «Я» писателя. Субъективные мотивы создания таких текстов (авторская стратегия, тенденции к мифологизации) требуют внешнего критического анализа, проверки возможных хронологических сдвигов, различных aberrаций и «забытых» сюжетов, оставшихся вне «литературной» памяти мемуариста.

* Статья подготовлена к публикации при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-04-00129).

Говоря о фактической достоверности, прежде всего следует обратиться к документам личного архива и эпистолярному наследию Ремизова. Взаимосвязь разнородных источников и различных уровней их интерпретации может быть показана на следующем примере. В парижском архиве семьи Резниковых сохранилась созданная в 1943–1948 гг. ремизовская рукопись «На вечерней заре», которая представляет собой авторскую редакцию оригинальных писем Ремизова к своей жене, Серафиме Павловне Ремизовой-Довгелло, написанных в 1900–1939 гг.¹ Сопоставление рукописи с «текстами-источниками» позволяет выявить стратегию автора по преобразованию эпистолярных документов в литературную форму автобиографического романа. Привнесенный, хронологически вторичный по отношению к этим письмам авторский комментарий (отмеченный им самим квадратными скобками) отчасти раскрывает подробности отдельных сюжетов переписки. Сочетание документально подтверждаемых фактов в контексте оригинальных писем с ретроспективным взглядом, которое образует художественное пространство ремизовского коллажа «На вечерней заре», становится исключительно ценным источником для выявления многих малоизвестных обстоятельств творческой биографии Ремизова.

Письма к Серафиме Павловне совершенно свободны от характерного ремизовского литературного «лицедейства» и от прагматики, которая преобладает в его переписке с другими адресатами. Перед нами раскрывается своего рода «палимпсест», в котором авторефлексия вытесняется внешними событиями. Даже позднейшие пояснения, дополнившие текст в 1940-х гг., порою создают лишь эффект наслоений, но не проясняют первоначального содержания. Особенно остро эта проблема заявляет о себе при попытке объективировать те «события» внутренней жизни писателя, которые оказали влияние на формирование «канонического» образа Серафимы Павловны в романе «В розовом блеске» (1952). Отчасти подобная герметичность стиля эпистолярного общения с женой объясняется непродолжительностью разлук с адресатом, за время которых во внешней жизни не происходило ничего достойного упоминания. Ответные письма Серафимы Павловны не сохранились. В силу сложившейся между супругами исключительной доверительности, не разграничивающей литературную и личную сферы бытия, редкие откровенные признания писателя, попавшие на страницы этих писем, были рассчитаны на взаимопонимание и не нуждались в пояснениях.

Обращает на себя внимание единственное письмо к Серафиме Павловне от 4 июля 1912 г., написанное в день ее рождения, которое завершается эмоциональным пассажем, казалось бы, не связанным с внешними событиями биографии писателя. Обострение язвенной болезни сказалось на его настроении,

1 В настоящее время архив передан в Государственный литературный музей в Москве (Ф. 156). Первые, не публиковавшиеся при жизни писателя рукописи «На вечерней заре», охватывающие письма Ремизова к жене с 1900 по 1906 г., были подготовлены к печати Antonella D'Amelia (Д'Амелия 1985–1990). Мы продолжили введение в научный оборот последующих глав, сопровождая публикации биографическими очерками, в которых восполняем картину значительных событий каждого года жизни писателя, отраженного в переписке: Обатнина 2014, Обатнина 2014а, Обатнина 2015–2016.

потому начало письма получилось несколько унылым (здесь и далее ссылки без дополнительных указаний даются на материалы парижского архива Ремизова [Ф. 156] в Государственном литературном музее, Москва):

4.VII.1912

Лапа, деточка, поздравляю тебя с Днем Твоего рождения! Усталый пишу тебе поздравление это. Не будь этой хвори напастной, купил бы я тебе хоть ягодов каких самых редких, ну, две штуки дорогих абрикосов. Пугает меня в положении моем, что я как-то обезноживаю и не могу так суетиться, как раньше.

Однако финал, даже для письма, написанного в болезненном состоянии, получил неожиданный оборот:

Я тебе, деточка, все сделаю. Знаю, что вина во мне заключается.
До последнего моего издыхания буду ходить, деточка, за тобою.

В рукописи «На вечерней заре» текст оригинального письма подвергся незначительной стилистической правке, а глубоко личное признание дополнено пояснением в квадратных скобках:

Петербург 1912
4 июля

Поздравляю тебя с Днем твоего рождения. Усталый пишу тебе это поздравление. С «фиалкой» – цветом, а что означает, не знаю. Не будь на меня этой хвори напастной, пошел бы к Елисе<е>ву, купил бы тебе хоть ягодов каких самых редких – ну, два дорогих абрикоса. Пугает меня, что я как-то обезноживаю и не могу так суетиться, как раньше.

Я тебе все сделаю. Знаю, что вина всех твоих страданий во мне заключается. До последнего моего издыхания буду ходить за тобой. [Моя вина – если бы я раньше сообразил <...> – полнота «жизни» не по ее мере: она родилась совсем другой, непохожей на нас. Через меня она вступила в «жизнь» против свое<й> «природы», она не должна была выходить замуж, а я должен был сразу же понять ее душу, да вот не понял и вызвал в общую нашу жизнь «страду»].

Само по себе откровение, прозвучавшее в «поздравительном» письме, очевидно, является маркером какого-то значительного душевного переживания. Чтобы раскрыть мотивы этого «герметичного» фрагмента, попробуем описать более широкий контекст, с высокой степенью вероятности связанный с интересующей нас частью переписки.

Для Ремизовых 1912 г. оказался эмоционально непростым: Серафима Павловна, получив диплом ученого-палеографа, вопреки ожиданиям, осталась профессионально невостребованной. Надежды на социализацию, адекватную ее потребности приносить общественную пользу, быстро таяли, вновь уступая место душевному смятению и внутренней неудовлетворенности, – тем тяжелым психологическим состояниям, что нарастали начиная со времени переез-

да Ремизовых в Петербург в 1905 г., но были позабыты благодаря увлеченным занятиям в Археологическом институте.² Новый виток кризиса сопровождался религиозными исканиями. Приверженность Серафимы Павловны традиционному православию, после безуспешных попыток примкнуть к религиозному модернизму («Церковь Третьего Завета» Мережковских), начала смещаться в область антропософии под влиянием горячих последователей Рудольфа Штайнера – Маргариты Сабашниковой и супружеской пары Трапезниковых. Она искала деятельности, основанной на духовном знании и тайноведении и направленной на преобразование человеческой жизни. Видимая революционность нового учения могла привлекать ее простейшей аналогией с пропагандистским «подпольем» социалистов-революционеров, некогда вовлекших ее в свои ряды.³ Увлечение Серафимы Павловны отражено писателем лишь в короткой фразе из письма от 13 февраля, касающейся ее планов поездки в Германию на лекции Доктора: «И к немцу не поезжай, деточка, тут лучше, тихо». За намеренно наивным «аргументом» крылось глубокое убеждение во врожденной «инаковости» жены как человека имманентно духовно одаренного, не нуждающегося во влиянии извне, которое могло только исказить свойственную ей непосредственность метафизического восприятия (ср. также: Резникова 2013: 77).

В главе рукописи «На вечерней заре», посвященной 1912 г., встречается один из примеров обоснования мифологического образа Серафимы Павловны. Такую функцию несет в себе скрытый комментарий Ремизова к значению фамилии *Довгелло*, восходящей к прозвищу ее литовского предка *Довгелеса*. В письме к ней от 29–30 апреля говорится (дополнение выделено нами курсивом): «Желаю тебе сил своих настоящих набраться, крепости, мужества и все одолеть, все победить, ты *Довгелло, по-русски – велико-могучий*». В романе «В розовом блеске» авторское пояснение получит следующую мотивацию (Ремизов 1952: 385):

2 Испытание на смирение перед жизненными неудачами выпало долгое: только в эмиграции Серафиме Павловне довелось работать по специальности, когда она с 1924 по 1939 г. преподавала курс палеографии в Институте Восточных языков в Париже.

3 Ср. наблюдения Николая Бердяева в статье «Теософия и антропософия в России» (1917), касающиеся стилистики распространения учения Штайнера в русской среде: «Популярные теософические книжки имеют формальное сходство с популярными социал-демократическими книжками. Это не свободное творчество, а “партийная”, “кружковая” литература для пропаганды» (Бердяев 1989: 481). Любопытно также его наблюдение о преобладающем контингенте русских последователей Штайнера: «Штейнерианская дисциплина особенно популярна у русских хаотических душ.<...> Среди них есть немало “русских мальчиков”, о которых говорит Достоевский, и это лучшие среди них» (Бердяев 1989: 427–428). Отмеченный психотип соотносится с Ремизовой-Довгелло, образ которой для Ремизова ассоциировался с героем Достоевского Колей Красоткиным: «Она прошла путь русской интеллигенции – явление единственное и едва ли понятное в Европе. Революционность не от теории, не от «экономической необходимости» и не от страсти к авантюре, не из честолюбия. Коля Красоткин у Достоевского: “О, если бы я мог хоть когда-нибудь принести себя в жертву за правду”. <...>. Корень “революционности” никогда не заглох в ней – “быть довольну, что есть” не такая душа. Она только не высказывалась, но я знаю, какая буря кипела в ее сердце» (Ремизов 1952: 398–399).

Сын Явнуллы Ян, литовский хорунжий, участвовал в войне Сигизмунда против Свидригайлы, отличился в битве под Вилькомиром и получил прозвище «Довгеллес», что значит «великогомучий». От него фамилия Довгелло.

Возвращаясь к письму от 4 июля 1912 г., отметим, что в нем встречается первое и единственное в своем роде признание писателя, которое в процессе работы над рукописью романа «На вечерней заре» в 1940-х гг. было дополнено автокомментарием, содержащим интимную рефлексию образа Серафимы Павловны. Этот эпистолярный «монолог» Ремизова подтверждает, что на протяжении совместной жизни с Серафимой Павловной и по ее смерти его преследовал комплекс вины, возникший в результате осознания личной ответственности за судьбу своей спутницы.

В дополнении к собственным словам о «вине» писатель впервые раскрыл принятую обоими супругами версию скрещения их судеб, в основе которой лежала идея несоответствия между земной судьбой Серафимы Павловны и ее предназначением как существа «небесного». На страницах романа «В розовом блеске» Серафима – явление «серафическое», появившееся на земле с призванием посвятить себя «Духу»: «Одни родятся для земли, другие на земле для неба» (Ремизов 1952: 297). Когда сердце Серафимы-женщины само ответило на любовь Ремизова, судьба небожительницы отвернулась от нее, оставив на муку несоответствия всем ипостасям земного человека – быть женой, быть матерью, реализоваться лично и социально (*ibidem*: 297):

«Умереть» и «выйти замуж» – да ведь это в судьбе ее одно и то же. И тотчас, как она решила, и там в ее судьбах ответило своим решение бесповоротно. Ее ограждали пламенные силы, карая смертью всякого, кто приблизится, а теперь они завели свою игру беспощадно: «Мне отмщение и аз воздам!» – так прозвучал бы их голос – глас Господень. И горькие слезы зальют краткие улыбки жизни.

Внутреннее основание для отторжения «земного» и потребность в приобщении к миру горнему, вероятнее всего, подкреплялось пережитой Серафимой Павловной в годы северной ссылки попыткой суицида. Решение свести счеты с жизнью было принято 27 сентября 1902 г. (ср. А. Л. Соболев, Северная ссылка Ремизова: Уточнение нюансов, in: Соболев 2013: 206–208). Благополучный исход этого психологического срыва стал ключевым эпизодом главы «За зеленой оградой» романа «В розовом блеске». Он трактуется Ремизовым как акт перерождения души Серафимы Павловны, образ которой в первой части романа воплощен в героине, выведенной под именем Оля: «Оле надо было умереть, чтобы под другим именем начать жизнь – свою страду» (Ремизов 1952: 297). Мифологическая интерпретация трагического факта биографии является единственным случаем в творчестве Ремизова «прямого» доказательства истинности «небесного» происхождения женщины, наделенной соответствующим именем.

Чтобы показать, насколько органично Серафима Павловна к 1912 г. вжилась в свой образ, послуживший возникновению комплекса «вины» Ремизова, нам придется обратиться к еще одному эпистолярному документу, созданно-

му тремя годами ранее. В 1909 г. Серафима Павловна, находясь в отчаянном состоянии духа, написала доверительное письмо, поводом для которого послужил вполне прагматический вопрос, касающийся проблемы выбора учебного заведения, будущей профессии и желания «пойти по научной части». Адресатом письма был Вяч. Иванов. Со свойственной ей экзальтированностью она писала (Грачева 2000: 74):

Дорогой Вячеслав Иванович! Прочтите, пожалуйста, внимательно мое письмо и не пеняйте, что хочу Вас просить подумать о моем – что же мне иначе делать. <...> Вам больше всех верю, к Вам и обращаюсь. Вот уже 5 лет, с тех пор как я вышла замуж, я тоскую о проявлении себя. Есть у меня жизнь настоящая, не связанная прямо с землей, а с землей я связана только через Алексея Михайловича. И точит меня: сама я где? У меня натура активная, и силы есть, а на земле я существую только как жена Алексея Михайловича, прямо говоря. Все во мне против этого протестует, потому что я сама в жизнь вошла, сама пробивала и имею свое собственное неотъемлемое от меня ни при каких условиях. Я могла бы жить совсем вне земли, но меня к земле привязывает <курсив наш – Е. О.> А<лексей> М<ихайлович>, поэтому я на земле должна найти дело для себя свое собственное, это и для него будет лучше, я тогда стану сильнее.

Это послание, прозвучавшее как откровение «души-пришелицы», мучительно осознающей несоответствие своего истинного предназначения и выпавшего на ее долю земного воплощения – быть «только женой Ремизова», – являлось прямой манифестацией «семейного» мифа. Понять мотивации переживаний Серафимы Павловны отчасти помогают письма к ней З. Н. Гиппиус, которая в 1905–1908 гг. стала ее ближайшей подругой и духовной наставницей (Обатнина 2014b). Гиппиус видела в Ремизовой-Довгелло личность, способную не только к нравственным рефлексиям, но и к решительным действиям для достижения своих духовных идеалов. Их переписка, сохранившаяся неравномерно, до 1908 г. была во многом посвящена обсуждению экзистенциальных проблем; в единственном письме Серафимы Павловны, относящемся к этому времени, выражен душевный диссонанс, вызванный идейной опустошенностью: «А как мне тяжело, если б Вы знали! Опять нет у меня ничего такого, чтоб задевало меня крепко, опять я одна».⁴

Гиппиус понимала, что причина кроется в стремлении не столько к общественной деятельности, сколько к жертвенной миссии. Она осознавала, что ее подруга видит смысл своего существования в служении «идее», и, противопоставляя Серафиму Павловну мужу, подчеркивала несоответствие их жизненных предназначений:

<...> вы не должны еще, дальше, так жить, что-то должно перемениться. Если нужно вам страдать, т. е. если есть *ваши*, благотельные, страдания – то, ведь, это страдания не пассивные, страданья, как бы это сказать?... в «деле», от «дела» и ради «дела». А отнюдь не вне всего, даже работы какой-нибудь, и какие-то чуть

4 Письмо от 29 марта 1906 г.: Письма З. Н. Гиппиус – С. П. Ремизовой-Довгелло и А. М. Ремизову (1905–1941). Подготовка текста, вступительная статья и комментарий Елены Обатниной (в печати). Курсивом выделено авторское подчеркивание в тексте.

не случайные, полуосмысленные. Ваша природа не такая, оттого и не выносимо. Алексей Михайлович не такой, он больше созерцатель, вы деятель.⁵

Идея «нездешней» природы Серафимы Павловны культивировалась Гиппиус в собственных целях, предполагающих формирование «духовной паствы» вокруг «Церкви Третьего Завета». ⁶ Отчужденность Ремизовой-Довгелло от «земли» вызывала у Гиппиус как идеолога нового религиозного сознания сочувствие и поддержку. В одном из своих писем она раскрывает причины мятежной натуры своей подопечной в сравнении с мировоззренческой позицией ее супруга – Ремизова: «Вы <...> – реально не любите реальность. Я бы сказала, что и Ал<ексей> Мих<айлович> не совсем во всем может вас понять, потому что он реально любит реальность». ⁷ Такая оппозиция не только не противоречила, но даже подкрепляла ремизовское мифопостроение, в пределах которого он возводил свое происхождение к «земляной» природе, а природу Серафимы Павловны – к «небесной». ⁸

Письмо Серафимы Павловны Вяч. Иванову, написанное в 1909 г., как и признание Ремизова собственной «вины» перед своей женой в 1912 г., несомненно, являются связанными событиями в биографиях их обоих. Письмо было не только известно Ремизову, но, возможно, даже им инспирировано. По его же совету, вероятнее всего, был избран и адресат – Вяч. Иванов – поэт-философ, филолог-классик, знаток древнегреческой философии и мифологии, снискавший в кругу символистов авторитет духовного учителя, вкладывающего онтологические сущности в поэтические формы. Не исключено, что тема отягощенной земным существованием души, утверждавшаяся в письме Серафимы Павловны, для Ремизова могла обрести прямые корреляции со стихотворением Вяч. Иванова «Психея» («*Suspiria*», сборник *Кормчие звезды*, 1903). Поэт обратился к теме скитаний души по кругу воплощений и смертей в поисках освобождения, используя фрагмент одного из трех древнегреческих текстов, известных под названием «золотые пластинки». ⁹ Мотив души, нуждающейся в вожде – духовном наставнике, указующем путь, ¹⁰ содержится в строках

5 Письмо от 8 октября 1906 г.: *Ibidem*.

6 Один из аспектов этой концепции описан в публикации: Павлова 2004.

7 Курсивом выделены подчеркнутые Гиппиус фрагменты текста. Письмо от 25 мая 1906 г. (Обатнина, в печати [см. выше]). См. также фрагмент письма в публикации выдержек из переписки: *Lampl* 1978: 165.

8 Ср. антитезу собственного образа – образам «нечеловеческих» людей (Андрею Белому и Блоку): «Крылатые Андрей Белый и Блок, а я с подрезанными на первый взгляд крыльями – где-то и чем-то мы соприкасались. Никогда не успокоенный, я чувствовал себя земляным, а Блока и Белого – небесными детьми» (Жодрянская <1959>: 128). В мемуарной прозе Ремизов прибегал к корреляции образов Серафимы Павловны и Блока – оба они представляют собой «обнаженную совесть» (Ремизов, *В розовом блеске*, глава «Непоправимое»).

9 Древнегреческий текст орфических пластин в 1910-е гг. был известен по изданию: *Diels* 1903 (всего шесть переизданий); полный перевод всех известных пластин, обнаруженных к 1974 г., см.: *Лебедев* 1989: 43–45.

10 См. примечание Иванова к эпиграфу, предпосланному стихотворению, в котором приводится перевод текста пластинки и пояснение к его происхождению: «Я – дочь земли

первой части стихотворения, явно перекликающихся с внутренним посылом Серафимы Павловны: « – “Когда ты тот, кого ищу блуждая, – / О, изведи!...”».¹¹

Итак, судя по «исповеди» Серафимы Павловны 1909 г., она вполне уверилась, будто чувство неприкаянности в реальном мире было предначертано той самой «земной» судьбой, роковым орудием которой стал ее избранник. Комплекс «вины» Ремизова перед Серафимой Павловной, впервые объективированный в его июльском письме 1912 г., является неотъемлемой составляющей созданного ими обоими мифа о «серафической» душе, проходящей свой земной мучительный жизненный круг. Мотивы этого мифа появляются в письме Ремизовой-Довгелло к Вяч. Иванову и восходят к учению орфиков, считавших земное воплощение души одним из испытаний на пути ее к обожествлению (ср. Иванов 1905: 132–133). Таким образом, как мы предполагаем, письмо Серафимы Павловны является косвенным свидетельством интереса самого Ремизова к орфическому мифу о душе, что позволяет допустить возможную интенцию Ремизова начать диалог с Вяч. Ивановым на орфическую тему.

Развитие интереса Ремизова к интерпретации земного и небесного удела души, очевидно, имело место, поскольку в марте 1911 г. писатель получает от М. О. Гершензона греческий текст и перевод упомянутых трех фрагментов.¹² Вяч. Иванов публикует в 1913 г. исследование «О Дионисе Орфическом», в котором пользуется и текстом собственного перевода еще одной из золотых пластинок с наставлениями душе, вступившей в загробный мир на путь перерождения. Автограф Гершензона с переводом трех табличек ждал своего часа в ремизовском рабочем столе еще несколько лет, и в 1918 г. орфические оракулы послужили для Ремизова источником для создания собственного автобиографического мифа в поэме «Золотое подорожие», где мотив земных испытаний души спроецирован на пережитые революционные потрясения (см. подробнее: Обатнина 2007).

и звездного неба, но иссохла от жажды и погибаю; дайте мне тотчас напиток воды студеный, истекающей из озера памяти. – Надпись на золотой пластинке, сопровождавшей покойника в гроб, по обычаю орфиков. (Inscr. Gr. Sic. It. 678)» (Иванов 1971: 862).

- 11 Иванов 1971: 700. – Тема «потерянной» в своих сомнениях «души» прослеживается при сопоставлении отдельных реплик письма Ремизовой-Довгелло со строками стихотворения Иванова «FIO, ERGO NON SUM» из сборника «Прозрачность» (1904). Ср.: «Сама я где?»; «Что мне делать?»; «Может Вы <...> сами мне точку земную придумаете?» (Цит. по: Грачева 2000: 74) – «Погребенного восстанье / Кто содеет / Ясным зовом? / Кто владеет / Властным словом? / Где я? где я? / По себе я / Возалкал!» (Иванов 1971: 741). Проблема несоответствия «небесного» назначения и «земного» воплощения, предъявленная в письме Серафимы Павловны, содержит также внутреннюю перекличку как с самим названием стихотворения, провозглашающим ложность земного воплощения, так и с его содержанием, противопоставляющим жизнь и загробный мир («Жизнь – истома и метанье, / Жизнь – витанье / Тени бедной / Над плитой забытых рун...») (Иванов 1971: 740).
- 12 ОР РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 11. Адресуя этот текст Ремизову, Гершензон писал 3 марта 1911 г., возможно, имея в виду Серафиму Павловну: «Русский перевод – для дам, а Вы читайте по-гречески. Тут все дело в музыке чувств и слов, а в переводе – только глубокомыслие» (Гершензон 2016: 315; комментарий к приведенным строкам письма отсылает к ошибочному источнику).

Приведенный фрагмент письма Ремизова к жене от 4 июля 1912 г., с одной стороны, объективирует некое, не имеющее других документальных подтверждений «переживание» писателя, а с другой – позволяет считать этот год временем окончательного оформления ремизовского мифа о душе и судьбе Серафимы Павловны, который начал, очевидно, складываться с первых лет совместной жизни супругов, поженившихся в 1904 г. Это переосмысление образа с опорой на такие понятия, как «душа», «судьба» и «вина», расширяет круг его идейных представлений за счет восприятия древнегреческого учения о мироустройстве в его орфическом изводе, где герои занимают промежуточное положение между богами и людьми, олицетворяя собой одновременно как союз, так и противоборство божественного начала и человеческой природы индивидуума.

Литература:

- Бердяев 2015: Н. А. Бердяев, *Новое христианство: Сборник статей 1916–1917 гг.* Москва–Берлин.
- Гершензон 2016: Михаил Гершензон, «Узнать и полюбить». *Из переписки 1893–1925 годов.* Сост. тома, коммент. Е. Ю. Литвин. Послесловие В. В. Сапова. Москва–С.-Петербург.
- Грачева 2000: А. М. Грачева, *Алексей Ремизов и древнерусская культура.* С.-Петербург.
- Д’Амелия 1985–1990: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло. Подготовка текста и комментарий Антонеллы д’Амелия, *Europa Orientalis*, IV (1985), 149–190; VI (1987), 237–310; IX (1990), 443–498.
- Иванов 1905: Вячеслав Иванов, Религия Диониса, *Вопросы жизни*, № 7, 122–148.
- Иванов 1971: Вячеслав Иванов, *Собрание сочинений.* Т. I. Под редакцией Д. В. Иванова и О. Дешарт. С введением и примечаниями О. Дешарт. Брюссель.
- Кодрянская <1959>: Наталья Кодрянская, *Алексей Ремизов.* Париж.
- Лебедев 1989: А. В. Лебедев (сост.), *Фрагменты ранних греческих философов.* Часть I. *От этических теокосмогоний до возникновения атомистики.* Москва.
- Обатнина 2007: Е. Р. Обатнина, «Золотое подорожие» А. М. Ремизова: текст и контекст, *Русская литература*, № 4, 89–105.
- Обатнина 2014: На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1907 год. Вступ. статья, подготовка текста и комментарии Е. Р. Обатниной, *Русская литература*, № 1, 149–178.
- Обатнина 2014а: На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1908 год. Вступ. статья, подготовка текста и комментарии, *Русская литература*, № 3, 142–184.
- Обатнина 2014б: Елена Обатнина, Подруги: один эпизод из истории отношений З. Н. Гиппиус и С. П. Ремизовой-Довгелло. In: *От модернизма к постмодернизму. Русская литература XX–XXI веков. Сборник в честь профессора Халины Вашкелевич.* Под редакцией А. Скотницкой и Я. Свежего. Kraków, 251–262 (Seria Rosja. Myśl. Słowo. Obraz. T. XVII).

- Обатнина 2015–2016: На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год. Вступ. статья, подготовка текста и комментарии Е. Р. Обатниной, *Русская литература*, 2015, № 3, 153–203; 2016, № 2, 162–211.
- Павлова 2004: История «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из дневников Т. Н. Гиппиус 1906–1908 годов. Вступ. статья, подготовка текста и примечания Маргариты Павловой. In: *Эротизм без берегов. Сборник статей и материалов*. Москва, 391–455.
- Резникова 2013: Н. В. Резникова, *Огненная память: Воспоминания об Алексее Ремизове*. Подготовка текста, сопроводительная статья А. М. Грачевой. С.-Петербург.
- Ремизов 1952: Алексей Ремизов, *В розовом блеске*. Нью-Йорк.
- Соболев 2013: А. Л. Соболев, *Страннолюбский перебарщивает: Сконапель истор.* Москва (Летейская библиотека, II. Очерки и материалы по истории русской литературы XX века).
- Diels 1903: *Die Fragmente der Vorsokratiker*. Griechisch und Deutsch von Hermann Diels. Berlin.
- Lampl 1978: Horst Lampl, Zinaida Hippus an S. P. Remizova-Dovgello, *Wiener Slawistischer Almanach*, Bd. I, 155–194.